

Не по Шмитту: политическая теология современных войн

Святослав Каспэ

С.И. Каспэ – доктор политических наук, профессор департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный редактор журнала «Полития».

DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-96-107

Статья представляет собой расширенную версию моего доклада «Политическая теология и международная справедливость», сделанного 19 мая 2023 г. на конференции Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ и журнала «Социологическое обозрение». Я благодарен организаторам и за приглашение, и за мастерскую постановку предложенных к обсуждению вопросов. Особенно вдохновляющим стал следующий фрагмент анонса: «В точном соответствии с пониманием существа дела Карлом Шмиттом, противника объявляют не стороной с собственными интересами, пусть и преследуемыми недопустимыми средствами, но абсолютным злом в теологическом значении этого слова. Локальный конфликт оказывается последней фазой борьбы между добром и злом, Богом и Дьяволом». Я также признателен участникам дискуссии, и прежде всего Александру Ф. Филиппову, за критические замечания и комментарии, которые я постарался учесть при подготовке этой публикации.

Я говорю о войне, по сравнению с которой обычные войны просто ничто.

Энтони Бёрджесс, «Трепет намерения»

В дурные времена одни люди с гневом и отвращением отворачиваются от текстов Карла Шмитта. Другие читают и перечитывают их с особенным вниманием (что само по себе ни гнева, ни отвращения не исключает). Я принадлежу ко вторым. Потому что вглядываться в бездну, по-моему, всяко умнее и полезнее, чем, нарочно зажмурившись, брести по её краю. Нечто общее у двух позиций всё же есть – признание того, что времена дурны. С этого малого, трагически малого места согласия, в полшаге от которого начинаются споры, ссоры и свары всех против всех, разворачивается моё дальнейшее рассуждение – о том, что в этой бездне сейчас видно. И чего *не* видно.

Многим видится в ней подтверждение одного из самых мрачных пророчеств Шмитта, развитого им в поздних работах, «Номосе земли» (1950) и «Теории партизана» (1963), но содержащегося уже в первом издании «Понятия политического» (1932): «Если воля воспрепятствовать войне столь сильна, что она не пугается больше самой войны <...> тогда война разыгрывается в форме “последней окончательной войны человечества”. Такие войны – это войны, по необходимости, особенно интенсивные и бесчеловечные, ибо они, выходя за пределы политического, должны одновременно умять врага в категориях моральных и иных и делать его бесчеловечным чудовищем, которое надо не только отразить, но и *окончательно уничтожить, то есть он перестает быть всего лишь врагом, подлежащим водворению обратно в свои границы*»¹. «В мире, где партнёры взаимно врываются в бездну тотального обесценения... должны возникнуть новые разновидности абсолютной вражды <...> Уничтожение будет тогда совершенно абстрактным и абсолютным. Оно более вообще не направлено против врага, но служит только так называемому объективному осуществлению высших ценностей, для которых, как известно, никакая цена не является слишком высокой»². Уже в XXI веке Шанталь Муфф, призвав «мыслить со Шмиттом», но «против Шмитта»³, действительно оспорила

¹ Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 311–312.

² Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. М.: Праксис, 2007. С. 143.

³ Mouffe C. On the Political. N.Y.: Routledge, 2005. P. 14.

многие другие его положения; однако не это: «Войны, ведущиеся во имя человечества и человечности (*humanity*), стали особенно бесчеловечными, поскольку все средства хороши, если враг представлен как находящийся вне законов человечества и человечности»⁴. И Александр Михайловский, следуя в том же фарватере шмиттовской и шмиттианской мысли, уверен: «Место “политического” занимает “моральное” – концепция, которая “дискриминирует” и демонизирует врага, выступая от имени “человечности”. Отрицание конкретной вражды открывает путь для вражды абсолютной, ибо как раз во имя человечества ведутся самые бесчеловечные войны»⁵. Да я и сам в недавней статье⁶ некритически принял и воспроизвёл то же воззрение, сочтя логически и логично выводимую из триумфа гуманистических ценностей радикальную дегуманизацию врага в современных войнах очевидным свершившимся фактом, уже сделавшим приёмы их ведения, как и сами войны, беспрецедентно чудовищными. Я был неправ. И попытаюсь исправить допущенную ошибку.

Потому что предсказанного Шмиттом просто-напросто не происходит (возможно, пока). То есть оно происходит в риторическом плане – влажные мечты о всяческих истреблениях, депортациях, расчленениях политических и человеческих тел, оккупациях и де-оккупациях плодятся и транслируются во множестве. Тут мало нового по сравнению, например, с увековеченными Ярославом Гашеком бредовыми видениями невымышленного немецкого поэта Генриха Фирордта: «Пусть выше гор, до самых облаков / Людские кости и дымящееся мясо громоздятся...»

Но в плане реальной политики и настоящей войны этого нет – ни на Ближнем Востоке, ни в Закавказье, ни на Украине, ни где-либо ещё. Потому что если бы действительно были хороши, по Муффу, «все средства», то мы наблюдали бы применение оружия и методов массового уничтожения – не обязательно ядерного или, скажем, «лагерей смерти», есть ведь и другие опции. Мы наблюдали бы ков-

⁴ Ibid. P. 78.

⁵ Михайловский А.В. Борьба за Карла Шмитта. О рецепции и актуальности понятия политического // Вопросы философии. 2008. No. 9. С. 163.

⁶ Каспэ С.И. «Любовь во время войны»: против автономии политического // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7. No. 1. С. 13–61.

ровые бомбардировки, газы и напалм, тактику «выжженной земли», принудительные угоны и высылки больших групп населения, массовые истребления без оглядки на пол и возраст, сопоставимые по замыслу и размаху если не с Холокостом, то с геноцидом армян, Волынской резнёй или резнёй тутси в Руанде. А также – полное блокирование всякого трансграничного сообщения, любых экономических и культурных обменов, безоговорочный и поголовный визовый бан (иначе говоря, подлинный, а не символический «железный занавес», и не один), интернирование обладателей неправильных паспортов и носителей неправильных языков *etc.* Что было бы вполне бесчеловечно, но в чём опять-таки не было бы ничего нового. Однако войн «до последнего» – армянина, азербайджанца, пуштуна, узбека, курда, еврея, палестинца, украинца, русского, мусульманина, христианина – не в воспалённом воображении, а на самом деле – нет. Что вообще-то не может не радовать.

Вместо этого мы видим точечные (хотя и далеко не высокоточные – это утопия, никогда и нигде не осуществлённая из-за дефицита информации, несовершенства техники, криворукости исполнителей и густонаселённости зон военных действий) удары и диверсии. Ограниченные военные операции. Частичные мобилизации. Избегание прямого вовлечения союзников и даже особого понуждения к таковому. Дозированные поставки вооружений. Избирательные санкции – персональные (с именами и фамилиями), институциональные (с указанием конкретных институтов), торговые (с указанием конкретных товаров и товарных групп), изредка секторальные (но не более того, не по всему периметру помещённой под пресс экономики). Безусловно, творятся вопиющие жестокости, совершаются военные преступления, гибнут невинные; но что «война – это ад», что она всегда производит одичание и осатанение, тоже не новость. То, с чем мы сталкиваемся, довольно близко к «нормальному уровню средневекового зверства», по выражению братьев Стругацких. Только, естественно, не средневекового, а достигнутого уже в Новое время, в порядке бодрого шествия человечества по путям прогресса.

Наверное, поэтому всё чаще звучат голоса, говорящие в духе Экклезиаста: что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем; и что по сути своей идёт

(идут) классическая война (войны) за власть и территории. Власть и территории, безусловно, поставлены на кон; к ним, правда, стоило бы добавить национальную честь, гордость, достоинство и т.п., без легитимирующей апелляции к которым ни так называемые «империалистические» (что не синоним имперских) войны, ни просто войны национальных (протонациональных) государств никогда не обходились.

ОТМЕНА КАК ОРУЖИЕ

Но и с этим нельзя согласиться, во всяком случае полностью. Что-то новое под солнцем всё же происходит. Есть в современной войне (войнах) некий доселе неведомый оттенок, некий ощущаемый многими тревожный сквозняк, холодок по коже. Видимо, он и мешает отнестись к ней (к ним) как к трагическому, но в общем обыкновенному событию, продолжающему длинный ряд подобных. Моя гипотеза состоит в том, что подобные эмоции и интуиции вызываются присоединением к войне феномена, за которым уже закрепилось наименование *cancel culture*, культуры отмены.

Его происхождение и состав – предмет отдельного обсуждения, которое здесь было бы неуместным, а в моём исполнении – и вовсе непрофессиональным⁷. Я указываю только на один его аспект. Отмена внутри тех обществ, где она возникла как культура и быстро

⁷ В порядке введения в проблематику см.: Vogels E.A., Anderson M., Porteus M. et al. Americans and “Cancel Culture”: Where Some See Calls for Accountability, Others See Censorship, Punishment // Pew Research Center. 19.05.2021. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2021/05/19/americans-and-cancel-culture-where-some-see-calls-for-accountability-others-see-censorship-punishment> (дата обращения: 01.07.2023); Dershowitz A. Cancel Culture: The Latest Attack on Free Speech and Due Process. N.Y.: Simon and Schuster, 2020. 224 p.; Sorensen L. (Ed.) Cancel Culture. N.Y.: Greenhaven Press, 2021. 176 p.; Ng E. Cancel Culture: A Critical Analysis. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. 153 p. Впрочем, нужно учитывать, что пророки, адепты и партизаны культуры отмены в основном следуют первому правилу Бойцовского клуба: не упоминать о Бойцовском клубе (зачёркнуто) о культуре отмены и елико возможно отрицать само её существование, представляя собственную позицию как единственную морально оправданную и, следовательно, универсальную, не специфическую (см.: Manavis S. “Cancel Culture” Does Not Exist // New Statesman. 16.06.2020. URL: <https://web.archive.org/web/20210602052325/https://www.newstatesman.com/science-tech/2020/07/cancel-culture-does-not-exist> (дата обращения: 01.07.2023)). Поэтому среди эксплицитно посвящённых культуре отмены работ решительно преобладают созданные её яркими противниками, и носят они даже не просто критический, а резко негативный, алармистский, нередко – параноидально-конспирологический характер. Выдающийся пример: Strang S.E. God and Cancel Culture. Lake Mary: Charisma Media, 2021. 256 p.

превратилась в стратегию, тактику и технологию репрессии, есть репрессия не просто адресная и не просто изолирующая, в чём опять-таки было бы мало нового. Отмена, в отличие от сколь угодно крылатых ракет, носит по-настоящему высокоточный, точечный, атомизирующий и распыляющий характер. Каждый отменяемый отменяется в одиночку. Никаких гетто и резерваций для виновных или покамест только обвиняемых, для расистов, сексистов, гомофобов, мизогингов, прочих супремасистов, педофилов, путинферштееров, оголтелых трампистов, заядлых курильщиков, ковид-диссидентов, антиэкологистов *etc.*, где они могли бы на огороженных – даже колючей проволокой! – территориях вести свой образ жизни и предаваться своим порокам, более не допускается⁸. То же происходит и в цифровом пространстве – мало того что массово блокируются личные аккаунты в наиболее популярных социальных сетях и мессенджерах, но и попытки создать альтернативные сети «для своих» также пресекаются, исчезают из поисковой выдачи рекламных блоков, индивидуализированных предложений и т.п., вытесняясь куда-то в даркнет. Показательно недавнее предложение конгрессвумен Марджори Тейлор Грин о «национальном разводе» «красных» и «синих штатов» Америки⁹, представляющее собой подкупающий простотой и откровенностью проект защиты гонимых демократическими и либеральными прогрессистами республиканских традиционалистов через позволение последним перейти в режим коллективной круговой обороны. Это, конечно, жест и вопль отчаяния, ничего подобного не будет; но каких же глубин должно достичь отчаяние, чтобы порождать подобные жесты и вопли?

И нет (с той же неизбежной оговоркой – возможно, пока) никаких признаков неуспешности этой стратегии. В самом деле: строго селективная отмена означает, что консолидация отменяемых практически исключена. Образование каких-либо новых пустот в социальном и политическом теле, каких-либо «слепых пятен», непросматриваемых и непростреливаемых зон отныне не предусмотрено, а старые

⁸ Эта в высшей степени важная мысль принадлежит Ирине Каспэ, из бесед с которой и выросли все мои размышления о культуре отмены.

⁹ Bouie J. Marjorie Taylor Greene Has a Dream // The New York Times. 24.02.2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/02/24/opinion/marjorie-taylor-greene-national-divorce.html> (дата обращения: 01.07.2023).

планомерно зачищаются одна за другой. Следовательно, ответный удар нанести некому и неоткуда. «Объективное осуществление высших ценностей», как формулировал Шмитт в «Теории партизана», то есть ценностей человечности и гуманизма, действительно достигается, но, вопреки Шмитту, бескровно и, более того, в основном ненасильственно. И это тоже скорее хорошая новость – даже для тех ретроградов, обскурантов, пассеистов, мракобесов и прочих троглодитов, кто в такой ситуации чувствует себя неуютно и некомфортно, даже не будучи ни расистом, ни педофилом. Ведь моральные требования, провозглашаемые именем человечности и гуманизма, все время обновляются, не всегда предсказуемо, зато почти всегда имея обратную силу. А ну как и ты попадешь под отмену? Как доказать даже не то, что ты не верблюд, но что и никогда не был верблюдом? Если сама верблюдность ретроспективно переопределена?

Тут стоит сделать первое, предварительное замечание о политической теологии культуры отмены. Как гласит одна из истин христианской веры, «крещение смывает все грехи». В культуру отмены таинство и чудо крещения не входит; грех несмываем, прощения нет, даже покаявшийся отменённый проклят навеки. Исключения из правила весьма редки, реабилитация всё равно не приводит к полному восстановлению репутации и *status quo ante*, «осадочек остаётся». Но проклятого не лишают ни жизни, ни даже свободы. Его всего лишь приговаривают к существованию призрака, невидимой и неслышимой тени себя прежнего.

Однако окажется ли действенной стратегия отмены при её выносе за пределы тех политических обществ, где она возникла, при её применении к другим политиям? Сомнительно. Потому что для эффективности отмены отменяемые должны быть окружены именно по всей окружности, со всех сторон – чтобы их можно было атомизировать и распылять беспрепятственно, педантично и методически. А с целыми политическими обществами, особенно с большими обществами, особенно уже сложившимися, а не только воображаемыми и чаемыми (например, Марджори Грин), проделать такое в отсутствие настоящего, не вымышленного мирового правительства затруднительно. Всегда находятся несогласные, если и не протестующие против отмены других громко, то саботирующие её тихо (в том числе потому, что опасаются оказаться следующими в очереди).

И даже если вообразить состоявшуюся глухую изоляцию большого политического общества, то оно – особенно после накопления в нём критической массы отменённых ещё и персонально, это параллельный процесс, развивающийся с опережением, – как раз и превратится в огромный лепрозорий, заражённый и поражённый таким лютым ресентиментом, что его предыдущие версии покажутся невинными детскими шалостями. К тому же нарыв, который будет зреть в таком обществе, всё-таки окажется в «слепом пятне» – ведь на уже отменённых не смотрят, от них отворачиваются. А значит, исходящая оттуда угроза будет непредсказуемой – не обязательно неотразимой, но скорее всего, опасной. Вообще, совершенная изоляция не оказывалась ни возможной, ни достаточной нигде и никогда – даже в случаях «континентальной блокады», ранней Советской России, коммунистического Китая, Кампучии «красных кхмеров», Северной Кореи, Исламской Республики Иран, саддамовского Ирака, Сербии Милошевича и т.д. Надзирателям всегда приходилось либо смиряться с существованием отдушин, как бы аппаратов искусственной вентиляции, подпитывающих кислородом эти политии, либо самим же ослаблять режим их изоляции, либо входить внутрь изолированных пространств и работать там уже более традиционными инструментами. Подобно тому, как работают тюремщики, врываясь в бузящую камеру. На слом. Единственное вспоминающееся исключение – судьба режима и общества апартеида в ЮАР. Видимо, об этом кейсе стоит узнать побольше; но исключением он от того быть не перестанет.

Закономерный вопрос: а разве менее продвинутые, не столь гуманистические политии (в основном относящиеся к классу электоральных автократий, то есть таких, где источником власти продолжают полагать народ и его волю, не слишком беспокоясь о качестве процедур её выявления; далее для краткости я буду называть их просто автократиями) не практикуют отмену как стратегию репрессии? Отчасти да; но это скорее имитация и симуляция, вызванная их склонностью одновременно осуждать Запад и подражать ему, в рамках логики «вам нельзя, значит, нам тоже можно». Бывает, что автократии обезьянничают, отключая и блокируя информационные каналы, составляя реестры иностранных агентов (кстати, не в автократиях придуманные), исключая из репертуара спектакли или сти-

рая с афиш имена их авторов, отказывая в концертах, присутствии на радио и телевидении *etc.* Но всё-таки в целом происходящее больше напоминает опять-таки традиционные, олдскульные формы охоты на ведьм, или врагов народа, или безродных космополитов. Будто бы отменяемых автократиями отнюдь не удаляют со всех радаров, а, наоборот, тащат к позорному столбу, выставляют на всеобщее обозрение и подвергают публичному поношению – как поступают в эрдогановской Турции с Мухаммедом Фетхуллахом Гюленом и гюленистами или в орбановской Венгрии с Джорджем Соросом и его симпатизантами. Личное впечатление: весной 2023 г. я, случайно включив телевизор, немедленно остолбенел. На экране явился Борис Гребенщиков, спокойно, подробно, не спеша рассуждающий об утвердившемся в России фашизме. Через пару минут выяснилось, что это НТВ демонстрирует фильм «Падшие звёзды», в героях которого также Алла Пугачёва, Максим Галкин, София Ротару, Чулпан Хаматова, Макс Покровский, Артур Смольянинов и другие. Поистине удивительная отмена – в прайм-тайм на всю страну. В том же ключе выдержаны ежедневные репортажи о страданиях «простых парижан», о зреющем на Западе народном гневе против одержимых милитаризмом элит и т.п. В отменённых так пристально не вглядываются. В остальном же военный и квазивоенный *modus operandi* автократий вполне традиционен (как на внутреннем поле, так и на внешнем), традиционно свиреп и никакой дополнительной «гуманистической» свирепости не приобретает. Своей хватает.

ОПЯТЬ ЯЗЫЧЕСТВО: СЛАБАЯ ПРОГРАММА

Теперь о главном. Что за политическая теология стоит за культурой и стратегией отмены? Она там есть – как есть она везде, где ставится вопрос о добре и зле. И она точно не христианская¹⁰, не авраамическая и вообще не монотеистическая. Не та, которая с большей или меньшей определённой постулирует присутствие в мире и его истории фигуры «князя тьмы», «отца лжи», стоящей за всеми явлениями и проявлениями зла, искушающей, соблазняющей, со-

¹⁰ О чём недвусмысленно говорит папа Франциск, см.: Address of His Holiness Pope Francis to the Members of the Diplomatic Corps Accredited to the Holy See // The Holy See. 10.01.2022. URL: <https://www.vatican.va/content/francesco/en/speeches/2022/january/documents/20220110-corpo-diplomatico.html> (дата обращения: 01.07.2023).

вращающей и обращающей людей в своих агентов и рабов. Фигуры, конечно, не равновеликой Богу как источнику всякого блага (это было бы уже манихейство), но тем не менее бросившей ему вызов. Фигуры, которая и является подлинным оппонентом сил света, с которой и надо сражаться. Причём сражаться, если позволительно перефразировать св. Августина, «отменяя грех, а не грешника». Такой фигуры в культуре отмены нет, в том числе в её политических выражениях, – в отличие от, например, образов «большого» и «малого» сатаны, о которых любили поговорить в Иране при аятолле Хомейни, или демонических «англосаксов», о которых любят поговорить в современной России. «Русский след», о котором любят поговорить на Западе, **во-первых**, до таких масштабов не дотягивает, **во-вторых**, он скорее представляет собой атавизм холодной войны в стиле «руки Кремля» и «*The Russians are coming*».

Эта политическая теология – языческая. Конечно, не генеалогически и не буквально; но по меньшей мере одна структурная аналогия слишком сильна, чтобы её можно было игнорировать. Важная оговорка: термин «язычество» здесь употребляется не в строго научном смысле, поскольку такового не имеет. То есть попытки вернуть его в научный оборот предпринимаются, однако спорадические и малоуспешные¹¹. Под «язычеством» я подразумеваю скорее теологическое понятие, сконструированное христианами мыслителями от свв. Августина и Фомы до Гуго Гроция и Гилберта К. Честертона по принципу *in contrarium*, то есть зонтичным образом покрывающее все не монотеистические верования (в первую очередь не христианские, но ни иудеи, ни мусульмане язычниками не считались). Кажется, в работе, посвящённой теологической проблеме, применение сообразного категориального аппарата и допустимо, и неизбежно.

Так понимаемое язычество охватывает очень различные явления; в теолого-политическом отношении культура отмены струк-

¹¹ См., например: York M. *Pagan Theology: Paganism as a World Religion*. N.Y.: New York University Press, 2003. 239 p.; Magee G. (Ed.) *The Cambridge Handbook of Western Mysticism and Esotericism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 514 p. Характерно, что сколько-нибудь внятное, операциональное определение язычества отсутствует даже в главе «Defining Paganism» книги Оуэна Дэвиса (Davies O. *Paganism: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 160 p.). См. также: Davidsen M.A. *What is Wrong with Pagan Studies? // Method & Theory in the Study of Religion*. 2012. Vol. 24. No. 2. P. 183–199.

турно схожа не с хорошо простроенными, иерархически организованными политеизмами наподобие египетского или античного, пантеоны которых были населены богами не всегда благосклонными, но всегда благими, – главное, не вызвать их гнев. Она ближе к тому, что Эмиль Дюркгейм со свойственной ему и его эпохе неполиткорректной грубостью называл «примитивными религиями». Она напоминает анимизм и шаманизм (более точные указания на конкретные культуры, традиции и представления желательны и возможны, но не в рамках этого текста). Мироздание видится децентрализованным, наполненным бесчисленными духами – не только и не обязательно злыми, но именно злые представляют собой, по понятным причинам, главную опасность и заботу. Со злыми духами – и с теми, кто ими одержим, – нужно и можно справляться поодиночке, выявляя их, изолируя и изгоняя, для чего есть специально обученные люди. Нужно постоянно, неусыпно санировать коллективный жизненный мир, однако не надеясь ни обнаружить прародителя зла, ни сокрушить его – потому что его не существует. И Спасителя тоже нет.

Если диагноз верен и сходство имеет место, если оно не ограничено одними наружными формами, но имеет и содержательные, смысловые проекции, обращённые внутрь явления (обычно так и бывает), то стоило бы задаться некоторыми существенными вопросами.

Во-первых, как показывает исторический опыт (нравится он кому-то или нет, но уж какой он есть, такой и есть), устойчивость, сопротивляемость языческих верований по отношению к монотеистическим невелика. В конкуренции и конфликте они всегда проигрывали, в лучшем (для себя) случае выживая в маргинальных средах или в них же возрождаясь как псевдоморфозы (современное неоязычество). Глобальную вестернизацию (и почти глобальную исламизацию) обеспечили не они. Может ли языческая политическая теология стать ресурсом поддержания господства глобальной силы Запада, возросшей из монотеизма, а теперь отстраняющейся от этого своего источника?

Во-вторых, монотеизмы бывают разные. «Дьявол – обезьяна Бога», как припечатал Тертуллиан, – суждение именно монотеистическое, потому что дьяволу хорошо ведомо, чей образ и чьи дела он

искривляет и искажает. И, как та же обезьяна, дьявол хитёр. Многие люди, иногда целые политии служили Сатане, думая, что продолжают служить Богу истинному. Так, девиз «*Gott mit uns*» сперва, ещё в XVIII веке, появился на прусских королевских регалиях, в XIX – на пряжках солдатских ремней прусской армии, а в 1935 г. вернулся на ремни солдат вермахта, с которыми они провели всю Вторую мировую войну, а вдобавок неоднократно воспроизводился функционерами и пропагандистами нацистского режима¹² (отдельно интересно, что окончательное изъятие этой формулы из германской армейской и полицейской эмблематики случилось только в начале 1970-х годов). Не рискованно ли для тех, кто по инерции полагает себя «ангелами света», но нечувствительно превратился в язычников, воевать с мелкими бесами (то есть даже не воевать настоящим образом, а отменять их), не замечая их господина? Что, если он таки существует? Пусть не онтологически (это не подлежит рациональному обсуждению), но как успешно реифицированный, собранный из множества интенций и проекций социальный факт, реальный, по Томасу, не сам по себе, но по своим последствиям – и именно поэтому обнаруживаемый только средствами той же оптики, в которой возник?

В-третьих, на что тут можно надеяться? Смотря кому. Продвинутым, гуманистическим политиям – на собственный регресс, на то, что они смогут наступить на горло своей новомодной языческой песне и начнут действовать по старинке, сообразно предыдущей версии их политической теологии. Издержки для них, прежде всего эндогенные, окажутся колоссальными – уж слишком далеко они ушли от монотеизма и особенно от способности применять на практике его политические импликации. Но нынешнее господствующее положение этих политий было достигнуто именно так, и трудно вообразить, чтобы его удалось отстоять настолько отличающимися – точнее, прямо противоположными – способами. Не столь продвинутые и не столь гуманистические политии (сиречь автократии) могут уповать на то, что их оппоненты действовать по старинке не начнут. Собственно, неверие в способность первых потрянуть стариной и вдохновляет вторых делать то, что они делают. Так или иначе это дело должно решиться. Как – Бог весть.

¹² Теолого-политический анализ см. здесь: Vorster J.M. “Gott mit uns”: Reflections on Some Partisan Theologies // HTS Theologiese Studies/Theological Studies. 2019. Vol. 75. No. 1. a5188.